

АНГЛИЙСКИЙ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ЯЗЫК НАУКИ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ВЕРТИКАЛИ?

¹Кобенко Ю.В.

¹ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: serpentis@list.ru

В статье анализируется социолингвистический статус английского языка в языковой ситуации в современной России; раскрываются тенденции использования его в качестве всеобщего второго и единственного иностранного языка; обосновываются сомнения в его пригодности для функционирования в статусе языка российской науки и, следовательно, образования, а также в адекватности выбранных ориентиров современного российского образования и эффективности научных работников в частности и вузов в целом; выводятся квалификационные признаки языка социальной вертикали; эксплицируется дискурсивная рамка английского языка с момента подписания Версальского договора. Функционирование английского языка в языковой ситуации в современной России в качестве имплицата подтверждается наличием апостериорных образований (псевдозаимствований), не известных, по меньшей мере, в рекуррентных значениях или непопулярных в США или Великобритании. Реформы российского образования значительно сузили спектр изучаемых иностранных языков, оставив за английским статус единственного иностранного – по сути, языка социальной вертикали, ассоциируемого с успехом и продвижением по карьерной лестнице. Вследствие этого английский выступает в России также языком науки по умолчанию. Решение видится в либерализации принципов организации научной деятельности и поддержке самоидентификации мирового научного и образовательного сообществ.

Ключевые слова: английский язык, образование в России, металект, язык образования, общий второй язык, язык социальной вертикали, имплицат.

ENGLISH IN THE RUSSIAN EDUCATION: A LANGUAGE OF SCIENCE OR A VERTICAL MEDIUM?

¹ Kobenko Y.V.

¹Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, main street Lenina, 30), e-mail: serpentis@list.ru

In the article the sociolinguistic status of English in the language situation in contemporary Russia is analyzed; tendencies of using it as a common second and the only foreign language are disclosed; doubts about its ability to function in the status of Russian science and thus of Russian education language as well as about adequacy of selected orientation of contemporary Russian education and efficiency of scientists in particular and higher education institutes in general are stated; criteria for qualifying the vertical medium are defined; the discursive frame of English since the Treaty of Versailles has been signed is revealed. Functioning of English in the language situation in contemporary Russia as an implication is confirmed by the presence of aposterioric means (pseudoborrowings) which are neither known nor popular at least in recurrent meanings either in the USA or Great Britain. Reforming the Russian education system drastically constricted the spectrum of foreign languages to be learned and accorded English the status of the only foreign language and inherently a vertical medium associated with success and career progression. Accordingly English appears in Russia as the language of science as default. A solution can be a liberalization of principles to organize scientific activities and support the self-identification of the world scientific and education community.

Keywords: English, education in Russia, metalect, education language, common second language, vertical medium, implication.

На территории России после событий, известных как «перестройка», наблюдается установление английского в качестве второго общего языка – явление, обозначаемое в лингвистике экzogлоссией [4]. «Второй общий язык» – обозначение нейтральное и поэтому предпочитается нами в данной работе публицистическому термину «язык колонизации», который тем не менее уже прижился в языкознании и, по нашему убеждению, более точно отражает характер макро- и микропроцессов в языковой ситуации в современной России.

Необходимо подчеркнуть, что для диагностирования металекта – импортированного языка (идиома) в экзогlossной языковой ситуации – присутствие прямых носителей данного языка не требуется [4]. Коммуникативная мощь иностранного металекта определяется в условиях информационного общества так называемыми виртуальными языковыми контактами: деятельностью средств массовой информации, престижем, привлекательностью экономико-политического уклада социума-носителя и т.д. Однако в ситуации с английским языком следует констатировать вторичность перечисленных признаков по отношению к его распространению как всеобщего, или мирового языка, т.е. его коммуникативная мощь и престиж являются следствием агрессивного характера его распространения.

Известно, что популярность английского языка в мире эквивалентна двум факторам: во-первых, расширению влияния США и, во-вторых, как следствие первого – распространению доллара как инструмента данного влияния. Агрессивная политика США, выступивших инициаторами 14 военных конфликтов только в XX в. и первыми применивших атомную бомбу как средство военно-политического сдерживания, не представляется возможной без параллельного распространения основного титульного языка данного государства в мире, что приводит к установлению английского общим вторым языком в мире и единственным иностранным в системе российского образования. Феномен единого языка как условия современной глобализации (в противовес протоглобализациям) [3] имеет негативные последствия не только для образования как такового, но и для осуществления научных изысканий в России и за её пределами.

Цель исследования

Целью исследования является экспликация негативных тенденций в российском образовании, связанных с установлением английского в нём единственным иностранным и языком науки, а также обоснование английского как языка социальной вертикали по Б. Хайне (1992) в языковой ситуации в современной России.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования привлекались данные Роскомстата по переписи населения и ранжированию компонентов языковой ситуации в Российской Федерации 2010 года. Для анализа использовались общенаучные и лингвистические методы: метод выделения крайних точек исторических процессов, моделирующий, системно-функциональный, описательный, интерпретационный, оппозитивный, сопоставительный методы и метод композиционного анализа.

Результаты исследования

Статус английского в современной России ошибочно представлять как статус иностранного языка. Полноценное иностранное происхождение английского ещё можно было констатировать в эпохи «застоя» и «перестройки». Сегодня же это активно используемый

населением России для внутренних нужд металект с высокой степенью апостериоризации (видоизменённостью в результате адаптации коренным населением – разновидность гибридизации), нормы которого давно перестали быть собственно английскими, т.е. законодательно утверждаться исключительно в США или Британии. Данную форму английского языка предлагаем обозначать «*импликатом*» (в отличие от пиджина как разновидности языка-посредника с предельно редуцированным грамматическим строем) – совокупностью иноязычных средств и их автохтонных дериватов, закреплённых за определёнными дискурсивными рамками в отдельной языковой ситуации.

Импликат английского в России, безусловно, имеет характерные особенности, отличающие его от импликатов немецкого или, скажем, итальянского образца, ср. апостериорные единицы русского языка, образованные на англоязычной основе: «*стритоватъ*» (зарабатывать на улице (любительским) музицированием, в английском языке нет глагола **to street*), «*форсайт(-)мастеринг*» (англонеологизм современной вузовской номенлатуры, обозначающий планирование рейтинговой активности). Немцы не менее активно изобретают новые единицы на основе английского морфемного материала, получившие обозначение «псевдозаимствования», ср.: «*Wellness*», «*Dressman*», «*Twen*» [10], которые целиком неизвестны ни на территории функционирования других импликатов английского, ни в самих США или Британии. В силу территориальных особенностей англоязычных импликатов и их апостериорности английский металект на территории России лишь с оговорками можно считать иностранным, что порождает необходимость доработки социолингвистической типологии В.А. Виноградова [2] в следующих пунктах: а) выделение квалификационных критериев металекта и б) признание экзогlossных компонентов языковых ситуаций импортированными.

Какие существуют признаки языка колонизации? Во-первых, использование данного идиома обладает функцией безальтернативности, т.е. невозможности его выбора, что ставят его в ряд с L_1 – материнским языком, который человек не выбирает, а выучивает вынужденно. Этот же критерий лишает английский в России (и не только в ней) статуса иностранного языка, поскольку иностранные языки – пусть и с ограниченной опцией выбора (престижных объектов много не бывает, такова онтологическая особенность человеческого выбора) – избирались в целях интеллектуального развития и роста, а английский в России – средство карьерного продвижения и социального размежевания («Без английского никуда!») – язык социальной вертикали. Концепция языка вертикали была впервые представлена Б. Хайне на примере языковой ситуации в Малави и Мозамбике, для которой исследователь применил структуралистскую дихотомию «вертикаль vs. горизонталь», где экзогlossия отождествляется с вертикалью, а эндогlossия – с горизонталью. Вертикаль характеризует определённый язык межэтнического общения («*vertical medium*») – у Б. Хайне португальский как язык статуса,

престижа и социального разграничения, который преподаётся в школе для достижения экономического благополучия (буквально: продвижения вверх). Горизонталь отражает спонтанное использование местного (родного) языка («*horizontal medium*») в обиходных условиях для обеспечения социального единства и солидарности [9].

Во-вторых, правящий класс, инициировавший после событий «перестройки» ряд фатальных реформ образования в России, итогом которых стали развал педагогического образования, ориентация на сомнительные международные образовательные стандарты (Болонский и Пизанский протоколы), издание спорного указа «5/100», предполагающего вхождение пяти вузов России в Топ-100 университетов мира на основе позиций в международных рейтингах и т.д., не предусмотрел – своими прямыми действиями или как синергетический эффект реформ – функционирование других языков в российском образовании, кроме английского, что повлекло за собой драматическое сокращение часов на изучение таких европейских языков, как немецкий и французский.

Следует отметить, что английский никогда не был языком образования во всех значениях данного слова. Дискурсивная рамка английского со времён Версальского договора (1919), после которого о нём заговорили впервые как о международном, всегда ограничивалась сферами менеджмента, банковского дела, финансов, биржевого брокерства и маклерства. Ни утверждение филаделфийского индекса цитирования в качестве единого (количественного!) критерия оценки эффективности деятельности научных работников, ни невероятное количество лауреатов Нобелевской премии среди англосаксов и проживающих в странах англо-саксонского мира, ни унификация образовательных стандартов под эгидой Болонского процесса, ни развитие современных терминосистем с избыточным числом англо-американских заимствований по всем отраслям знания, ни ставший обязательным перевод ключевых слов и аннотаций статей и научных разработок на английский так не сделали его языком науки ни в России, ни в мире.

Что же понимается под языком науки? Как пишет Ш. Кляйн, язык науки – понятие относительное. Наука всегда существует, прежде всего, на родном языке [11]. Исследователь приводит пример международной конференции, учреждённой и проведённой в ФРГ, где единственные присутствующие немцы вынуждены говорить на единственном рабочем языке – английском – и, испытывая невероятные трудности в экспликации и понимании содержания, объяснять друг другу принцип устройства опытной установки [11]. Таким образом, международный статус конференции ещё не делает английский языком научного мероприятия в частности и науки в целом (даже в ФРГ, являющейся колонией США с 1945 г. [12]). Невозможно себе представить, чтобы М.В. Ломоносов наблюдал за движением небесных тел, думая и излагая мысли на немецком – языке научной элиты того времени. Можно резюмировать, что язык науки *per definitionem* всегда совпадает с языком исследователя, на

котором последнему удобно и целесообразно выполнять научную работу. Следовательно, статус языка науки целиком зависит от особенностей национального менталитета и тождественен языку той нации, которая интенсивнее всего проводит научные изыскания. Право считаться языком науки XIX–XX вв. бесспорно принадлежит немецкому языку. Открытия и изобретения Г. Форда, Г.Р. Герца, О. фон Лилиенталя, К. Цузе и мн. др. прочно и надолго закрепили немецкий язык за дискурсивными рамками своих дисциплин, в долгосрочной перспективе определили развитие профессиональных терминосистем и тезаурусов, сделали знание в немецкоязычном морфологическом облике достоянием человечества. Английский язык же, распространяясь не с мирного согласия народов [1], о чём убедительно свидетельствует имперская история сначала Британии, а затем и США, никогда не выступал средством распространения знаний. Как пишет В. Флюк, данный язык ассоциируется не более чем с массовой попкультурой и идеологией потребления [7].

Итак, в-третьих, язык науки не может быть предписан. Английский язык с его современной дискурсивной рамкой выступает скорее инструментом идеологии (правлящей элиты), что прямо противоположно назначению языка науки. Наука не может существовать в идеологических скрепах, в противном случае мы вправе не считать это наукой *per se*, что обличают современные тенденции в научной сфере в России. Данный вывод подтверждает В.С. Рамачандран словами «Наука возможна при неукоснительном соблюдении двух обстоятельств: экономической и идеологической свободы» [5]. *Eo ipso*, познание о статусе языка социальной вертикали современного английского вступает в серьёзное противоречие с утверждением его языком науки в системе высшего образования России. Таким образом, английский не является в России ни иностранным языком, ни языком науки. Его функция идентична языку социальной вертикали, с которым исконно ассоциируется доступ к определённым экономическим преимуществам. Диагностика языка социальной вертикали по Л. Гётце типологически предполагает функцию разграничения по языковому признаку (*ius linguae*), известному как «феномен *high snobiety*» [8]. Говорящая на английском элита отграничивает себя от «низов» посредством языка, что ещё больше усугубляет противоречивую природу последнего: несмотря на статус всеобщего языка, он не является доступным для каждого, что активно поощряется правящим классом.

Образование – в его гумбольдтовском значении – понимается не иначе как платформа развития, гуманитарной составляющей и значимым инструментом которого выступает владение минимум одним иностранным языком. Потребность в изучении любого (опция выбора!) иностранного языка продиктована постоянно изменяющейся реальностью с её многоплановым и многофункциональным содержанием. Обретение мировоззрения – тем более научного – предполагает свободный выбор ориентира развития, следовательно, эта составляющая образования должна опосредоваться с учётом личностных предпочтений

индивида. Несмотря на то что количество преподаваемых языков (языков образования) всегда ограничено, но даже выбор между английским и немецким или французским не нарушал бы принципов формирования научного мировоззрения.

В вузах современной России, где немецкий практически полностью вытеснен западными образовательными стандартами из учебного процесса, руководящая элита пользуется несостоятельным оправданием, якобы, предельно низкого числа желающих изучать немецкий в стенах высших учебных заведений. Согласно переписи населения 2010 г., немецкий язык занимает четвёртое место в России по количеству говорящих (перед чеченским – на пятом месте) [6], выступая в чистом виде иностранным металектом в языковой ситуации, что никак не подтверждает заявление о драматическом снижении его популярности в российской обществе. Руководящая элита должна признать, что либо данный язык слишком сложен для среднестатистического абитуриента (что, в свою очередь, никоим образом не оправдывает необходимость переучивания обучающихся), либо факт упразднения иностранного языка как средства развития и оставление в образовании общего второго языка (языка колонизации, что фактически равно изъятию иностранного языка из самой образовательной системы) как идентификатора образования (по принципу «обучение в вузе = знание английского = доступ к экономическим благам, социальному и карьерному росту = идентификация благополучного и успешного гражданина»).

Как можно видеть, язык современного российского образования и язык науки (научной нации) не являются идентичными величинами. Их текущее наполнение и уравниватель – английский язык – выступает скорее маркером социального благополучия, нежели инструментом научного поиска. Описанные функциональные особенности английского языка в современной России и российском образовании вытекают неизменно из его статуса языка колонизации, которая никогда не предусматривала и не способствовала научным изысканиям в колониях (как и любое проявление свободы).

Чем чревато английское единоеязычие в системе образования? Представляется, что добросовестно выполняющий исследование учёный вряд ли нуждается в переводе на какой бы то ни было иностранный язык. Тенденция опубликования трудов в изданиях, индексируемых Scopus, Web of Science и др. базами данных, является не более чем заказом правящей элиты и весьма характерно для национальных исследовательских университетов. В современной российской науке всеобщей потребности в интернационализации знаний как таковой нет; как и в любом другом обществе это является прерогативой небольшой группы выдающихся учёных. Отчасти данное требование связано с падением качества исследований, закономерно наблюдаемым в ходе реформирования образовательной системы, т.е. фактически укладывания её в прокрустово ложе международных стандартов. Переход на единый международный язык научных изысканий не является гарантией того, что по какой-то определённой теме будут

изданы работы на английском языке, что ещё раз доказывает справедливость вывода Ш. Кляйна. В качестве примера можно привести объём работ по экзогlossным языковым ситуациям до 2009 г., представленный русским, немецким, французским и португальским языками. Однако здесь позволительно сделать оговорку, что публиковать работы на английском языке можно было и раньше до утверждения его в статусе всеобщего второго языка. Собственно, популяризация знаний не запрещает опубликование результатов исследований на любом из существующих в настоящее время около 6500 языков земного шара, пока само опубликование не становится инструментом (финансовой) политики определённых элитарных слоёв общества и учреждений. В частности необходимость финансировать голландское издательство Elsevier, активно вменяемая сегодня научным работникам в отдельных российских вузах, *не может выступать приоритетом научной деятельности и позволяет угадывать за данным требованием не более чем финансовую выгоду для самого издательства.*

Выводы

Пользуясь тезисом, что наука возможна лишь там, где есть научный подход, вышесказанное можно подытожить выводом о преднамеренности установления английского в его обсуждаемых статусах в российском образовании и о полной неадекватности данного процесса текущим потребностям российского общества. Одним из течений, упреждающих дальнейшее ухудшение ситуации в российском образовании, может стать возвращение в образовательный процесс российских высших учебных заведений необоснованно изъятых немецкого и французского языков и – в этом контексте – оставление за наукой и образованием права на самоопределение и выбор собственных ориентиров, языков и стандартов.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. — 2004. - № 2 (17). — С. 23-27.
2. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. — 2-е репр. изд. под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 616-617.
3. Кобенко Ю.В. Единая языковая ситуация как условие глобализации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — Серия: Филология. - № 2. — СПб.: Изд-во ЛГУ, 2009. — С. 174-184.
4. Кобенко Ю.В., Роо Е.Д. Английский язык как метале́кт в языковой ситуации в ФРГ с 1945 года // Современные проблемы науки и образования. — 2014. - № 2. — URL: www.science-education.ru/116-12549 (дата обращения: 31.07.2014).
5. Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. — 224 с.

6. Роскомстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения 04.02.2014).
7. Fluck W. Fiction and Fictionality in Popular Culture: Some Observations on the Aesthetics of Popular Culture // *Journal of Popular Culture*, 1988. – No. 21(4). — 49-62 p.
8. Götze L. Anglizismen im heutigen Deutsch – Droht der deutschen Sprache der Ausverkauf? // Erlberg G., Frank R., Steffens R. (Hrsg.) *Deutsch 2000. Fremdwörter — NS-Sprache — Deutschunterricht*. — Aachen, 2000. — S. 21-28.
9. Heine B. Language policies in Africa // Herbert R.K. (ed.) *Language and society in Africa. The theory and practice of sociolinguistics*. — Johannesburg, 1992. — P. 23-35.
10. Herberg D. Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung // *DaF*, 2002. — Nr. 4. — S. 195-201.
11. Klein S. Wissenschaftssprache: Dämmer auf Englisch // *FAZ*, 06.07.2007. — Nr. 154. — S. 35.
12. Schmitz H.-G. Amideutsch oder deutsch? — Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage // *Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“*, 2002. — S. 135-165.

Рецензенты:

Романов А.А., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск;

Которова Е.Г., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.